

ставить палеонтологическія изысканія. Эти работы шли в одном руслѣ со стихійно поднимавшимся по всей территоріи союза движеніем к всестороннему изученію природы и человѣка в предѣлах родного края... С ничтожными средствами, порою ошупью, не имѣя возможности достать необходимую литературу, научные работники провинціи самоотверженно повели изслѣдовательскую работу по систематическому археологическому изученію своих областей». Таким образом, в послѣднее время найдено и изслѣдовано нѣсколько сѣверных стоянок палеолитической эпохи, которыя разсмотрѣны в трудах, столь мало доступных нам за границей, как книгѣ Готье «Очерки по исторіи матеріальной культуры Восточной Европы», «Археологія» Городцова, «Ананьинская культура» Худякова и много-много другого.

Вот это непрерывное и несомнѣнное движеніе науки в Совѣтской Россіи, вовлекающее в свой оборот множество новых вопросов и новых матеріалов и призывающее в свои ряды много новых ученых сил, которыя прежде оставались внѣ ученаго общенія: вот это есть нѣчто положительное, что напрашивается для вывода само собой при чтеніи «Финноугорскаго Сборника».

А. Погодин.

Українська Академія Наук. Збірник Історично-філологічного відділу № 75. Проф. *Павло Смирнов*. **Волзький гилля і стародавні Руси.** (Нариси з руської історії VI—IX в. в.). У Києві. 1928 р. Ціна 3 крб. Стр. 228.

Новое исследование русского историка, случайно появившееся на украинском языке, ставит своею задачею отыскать в глубокой древности «начало русской истории», «источники русской культуры и права» и вместе с тем подойти к разрешению загадки, «как сформировалась великорусская народность» (стр. 223). Эту свою задачу автор выполняет таким образом, что отыскивает в Восточной Европе в том месте, где потом было «ядро Московскаго государства», между средней Волгой и Окой, Скандинавов живущими в большом количестве, в качестве «великаго народа» — еще с VI в. Какие основания приведены для такого историческаго открытія проф. Смирновым? Туманные сведения исландских саг про «Austrvegr», легендарные упоминанія о «Русе» и «Росе» у Иосифона-Мирхонда и в «Церковной исторіи» Захарии-Ритора VI в., отрывочное указаніе летописнаго введенія «Повести временных лет» — «По сему же морю (Варяжскому) съѣзды Варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова», наконец, археологическія данныя о наличии скандинавских курганов в Ярославской и Владимирской губ., хотя таковыя обычно археологи относят к IX—X в. в. Вот почва для этой гипотезы П. Смирнова. Пользуясь арабами и Бертинскою летописью, автор идет дальше: этим Скандинавам-Руси он приписывает «русский каганат», приурочиваемый им отчасти к VIII и к первой половинѣ IX в. и разрушенный, по автору, в 20—30 г. г. IX в. Уграми. Затем каганат, по мысли автора, распадается на 3 «карликовых державы», и в IX же веке основываются теми же Скандинавами известныя летописныя княжества Руси, распространяющіе их власть по Восточной Европе. С особым глубокомыслием автор обследует известное летописное

сообщение 862 г. и видит в нем не только достоверное известие о призывании «эмигрантов» временно бежавшей за море части Руси, но и следы, указывающие на бывший пред сим «русский каганат» (стр. 151—161). Отношение П. П. Смирнова к русской летописи вообще несколько особенное: он обнаруживает небольшое знакомство с новыми критическими исследованиями ее, не считается с ними, слепо верит летописным легендам и хронологии (как и хронологии саг исландских — стр. 61 и след.) за IX—X в. в. (стр. 36, 156—160, 184, 190 и др.), оказывает исключительное внимание Иоакимовской летописи и истории Татищева — вплоть до того факта, что «Рюрик был сыном одной из дочерей Гостомысла», а «Гостомысл владел Финнами, как наследством» (стр. 154, срв. 158), — охотно верит позднейшим сказаниям (стр. 140, 179, 188 и др.), по-дилетантски расценивает показания летописных списков (стр. 151—154). Автор уделяет особенно много внимания арабским источникам, но выявляет мало удачи в объяснении их противоречий и часто толкует их довольно произвольно, в угоду своей теории [напр., когда путается в хронологии каганата, доходя даже до того, что допускает путешествие послов Руси в Ингельгейм (Бертинская 839) с Волги в течение около 10 лет (стр. 135—139, 149 и др.); когда встречается с указаниями про «каганат» позже половины IX в. (стр. 107, 112, 121, 136—137, 168 и др.); — когда приходится встречаться с противоречащими заявлениями, напр., Иби-Хордадбега, которому он придает сам же и особую веру (112, 117, 208, срв. 99), и т. п.]. Вообще, методологически автор очень часто грешит. Что же до сути самих его гипотетических построений, то они не дают ответа на ряд серьезных вопросов: каким образом Скандинавы около VIII в. в Восточной Европе оказались такой громадной культурной и политической силой, кокой их рисует автор (напр. стр. 35, 126, 130—131, 150—154 и др.), почему в таком случае их каганат будто бы в IX в. так легко разрушили Угры, и почему это разрушение якобы повело к новым великим государственным успехам их в том же IX в., почему в X в. этот великий и культурный народ, везде торговавший и экономически сильный, так легко слился со славянами и потерял свой язык, так что в X в. уже из них образовалась по автору одна славянорусская народность (стр. 35, 159, 209, 228 и др.) и т. п.? Остались по существу необоснованными собственно главные положения, выдвинутые П. П. Смирновым: тождество «Руса» и «Роса», упоминаемого в известиях VI—VII в. в., со Скандинавами, большое количество их на территории Восточной Европы, падение каганата Руси около 820—30 г. г. (что не увязано с известием Бертинской летописи 839 г.), различие «второй» и «третьей» «традиции» восточных известий о Руси (хронологическое обособление известий о каганате и известий о 3-х племенах Руси), образование великорусской народности в X в. — из Скандинавов — Руси и Славян и т. д. Обосновать эти гипотезы со всей серьезностью следовало бы особенно потому уже, что автору при их построении постоянно приходится вступать в конфликт с разнообразными специалистами-арабистами, археологами, историками русского языка и литературы. В теории П. П. Смирнова вообще много необоснованного — до фантастичности, немало противоречий и использования случайных сов-

падений и т. п. Работа П. П. Смирнова — это высшая, хотя и запоздалая, волна увлечения норманской теорией, ее девятый вал; в ней норманизм доведен почти до *nonsense'a*, и в этом особое значение данной работы; дальше идти норманистам некуда. К тому же автор, увлеченный до крайности норманизмом, совсем не ознакомился напр. с работами акад. Н. Я Марра по яфетидологии, которые как раз касаются эпохи и темы автора, и вообще прошел мимо значительной литературы, которая помешала бы ему дойти до фантастических выводов. В этом отношении особенно были бы полезны ему выводы Шахм това о необходимости осторожности в пользовании источниками ранней поры, особенно показаниями летописей за эпоху до XI в. Вообще, цитируя Шахматова в мелочах, автор совсем промолчал целый ряд гипотез и выводов его, которые как раз относились к его теме (напр., о первых государствах Руси IX в., о «Варягах» и «Руси» и т. п.). Общее впечатление от работы Смирнова такое, будто она писалась в эпоху норманистских споров 70—80 г. г. XIX в., — с новейшими научными течениями она очень мало увязана.

Владимир Пархоменко.

Шишић Ф., Летопис Попа Дукљанина. Српска Краљевска Академија. Посебна издања. Књига LXVII. Философски и филолошки списи. Књига 18. Београд-Загреб, 1928, 8°, стр. 480. У прилогу десет слика и једна карта.

Спис, познат под именом Летопис Попа Дукљанина, заузима јединствен положај међу домаћим изворима за историју Срба и Хрвата у Средњем Веку и међу литерарним радовима у српској и хрватској средњевековној књижевности. Он одудара од њих. Тешко му је одредити право место и наћи суседе у развојним серијама како извора, тако и књижевних дела. То је рад особите врсте по језику, садржини и сврхама. Преведен је са словенског на латински, садржина му је одраз писаних извора и усмене традиције, а сврха му је црквена и патриотска. Нема сасвим сличног дела ни на страни; обично се наводи као најсличнији му друг пољски Кадлубек. Мутан је и загонетан као историјски извор, јасан и тачан као географски, а сасвим неједнак као литерарни рад, јер има поред потпуно примитивно написаних одељака читавих одсека високе књижевне вредности. Пошто је сачуван латински, а тиче се Словена и Романа, то је прекорачио границе српскохрватске историографије и књижевности, ушао је у светску науку и изазвао и на страни читав низ покушаја да се тачно разјасни и правилно схвати. А већ код Срба и Хрвата морао је сваки историк и писац књижевне историје заузети свој став према чудном делу, јер се оно не да обићи, ма како био пипав и одговоран посао с њим се бавити. Но и домаћи и страни судови веома полагаано су приближавали научном решењу тешко питање о вредности овога дела. Истраживачи су имали право, кад су се изговарали на слаба издања, док је био познат само талијански превод код Орбинија (1601), слабо латинско издање у Луциуса (1666) и још слабије издања хрватска редакција од Кукуљевића (1851). Још је П. Ј. Шафарик, прегледавши сва дотадашња најважнија мишљења, сасвим тачно ово нагласио: »Ohne